Собеседник

Сергеев Глеб Борисович

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 12 сентября 2012 и опубликована 26 октября 2012.

Введение

Глеб Борисович Сергеев — из тех старожилов МГУ имени М.В. Ломоносова, которые, однажды придя в университет, не расставались с ним в течение всей жизни. Поступив на химический факультет в 1946-м, он прошел путь от студента до профессора, заведующего лабораторией на кафедре химической кинетики, основал которую наш единственный Нобелевский лауреат по химии — академик Николай Николаевич Семенов. Именно его Глеб Борисович называет своим учителем в науке, о нем он неоднократно вспоминает в своих статьях и мемуарах. Первая беседа с профессором Сергеевым посвящена его семье, военному детству, поступлению на химфак и первым университетским впечатлениям.

О родственниках и родителях

Глеб Борисович Сергеев: Могу начать с предков. Я в основном помню и знаю своих родителей по линии отца и гораздо хуже по линии матери. Это связано с рядом обстоятельств. А вот по линии отца я могу начать даже с деда, Николая Ивановича Сергеева, который был из семьи уральских купцов. Он сам поступил в Петербургский университет и принял активное участие в революционном движении. Он участвовал в демонстрации 1860-го года у Казанского собора. После этого был арестован и сослан на Урал в имение своих родителей, где отбывал ссылку, и после этого постоянно находился под надзором полиции. Он участвовал в движении народолюбцев и был одним из организаторов «Земли и воли». Знаком был с очень многими такими революционерами, как Вера Фигнер, и целым рядом других. Ходил в народ, но постепенно он в этом, видимо, разочаровался и в конце 1890-го года купил кусочек земли, решив на деле заняться сельским хозяйством под Самарой, позднее Куйбышев, теперь снова Самара.

И все время он там находился под надзором полиции. Есть документы о том, что туда же ссылался Владимир Ильич Ленин.

Есть документы в самарских архивах и в книжке, что какой-то пристав сообщает вышестоящей организации: «Я вам уже докладывал, что Сергеев ведет себя нормально; докладывал одновременно, когда я докладывал об Ульянове».

Татьяна Витальевна Богатова: Значит, они там параллельно вели себя нормально.

Г.С.: Да. Он посадил там огромный сад, примерно 4 гектара, и этим садом занимался. Сад был из уникальных яблонь, он выписал яблони. У него было небольшое хозяйство, и он там жил до 1932 года, когда он умер.

Т.Б.: Какая большая жизнь!

Г.С.: Да, там произошла интересная вещь. Он был близко знаком с крестьянами. Ближайшее село там было Сорокины Хутора, но в 30-х годах, когда у нас шла коллективизация, начиналось раскулачивание, к нему пришли и забрали все имущество.

Т.Б.: И сад забрали?

Г.С.: Нет, сад не забрали, а забрали имущество. Он поехал в Москву, обратился во ВЦИК. Из ВЦИКа пришло указание: «Сергееву все срочно вернуть! Сделано это было неправильно!» И он еще не успел приехать из Москвы, как ему все целиком: все ложки, вилки, которые забрали, стулья — все притащили. Дальше его оставили в покое. Это было где-то в 30-х годах, а в 32-м он умер. У него было двое детей. Он был женат дважды, сначала на одной революционерке, от которой было две дочери, но одна из них умерла в раннем возрасте, а другая, Вера Николаевна Лукашевич, дожила примерно до 60-х годов, была заслуженной учительницей Советского Союза, была награждена орденом Ленина, орденом «Знак почета» за свою учительскую деятельность. У нее было много учеников, которые ее всегда вспоминали. Она была преподавательницей литературы и русского языка.

А от второй жены было двое детей: мой отец, Борис Николаевич Сергеев, и Мария Николаевна Сыроечковская. У них разница небольшая: один родился в 1895-м, другая — в 1897-м году. Что интересно, вот я про тетю свою родную несколько слов скажу. Она была замечательный врач, врач от бога. Я просто знаю прекрасный пример, когда она под конец занималась физиотерапией, говорила: «Вот Марья Ивановна плохо себя чувствует, не может она прийти на прием, у нее ноги отказывают. Куплю коробочку конфет, поеду ее навещу!» Вот такое было отношение, что врач ехал с коробочкой конфет к пациенту. Последние годы она много работ писала, писала ответы на вопросы в «Здоровье» или каком-то таком журнале. Теперь по ее линии. У нее было двое детей. Муж был заслуженный врач Российской Федерации, крупный кардиолог. Его всегда приглашали в Большой театр, на сеансы. Там периодически врач должен

был находиться.

Т.Б.: Дежурил на спектаклях?

Г.С.: Да, во время спектакля. Мало ли с кем там может что случиться? Он там периодически дежурил. Очень известный кардиолог, Евгений Евгеньевич Сыроечковский. А их дети — одна, Марина, моя двоюродная сестра, которая тоже была известным врачом. Она закончила учебу во время войны, была распределена в Караганду, там работала последние годы заведующей районным отделом здравоохранения, потом вернулась в Москву. А ее брат вырос в крупного исследователя, был академиком Академии сельскохозяйственных наук, очень крупный эколог, специалист по Сибири, по зверям, лесам, был руководителем целого ряда наших экспедиций на кораблях, и в Антарктиду и по Северному морю и по Сибири. Вот не так давно он умер.

А по моей линии: у меня было неудачно с моими сестрами. В 21-м году родились двойняшки. Одна умерла сразу при родах, другая — через 3 месяца. А я родился позднее, я поздний ребенок. Можно сказать, что я еще и незаконнорожденный ребенок.

Т.Б.: Это как так?

Г.С.: Потому что мои родители, прожив 60 лет вместе, так и не зарегистрировали свой брак.

Т.Б.: А кто они были? Отец? Мать?

Г.С.: Оба они занимались сельским хозяйством. Мать была агроном-селекционер, работала на Безенчукской опытной станции, выводила новые сорта пшеницы. Практически довела один из сортов до кандидатской диссертации. Война помешала, и, как ни трагично, ее диссертация фактически ушла на растопку печей во время войны. Она не защитила диссертацию. Защитила потом ее подруга после войны, с которой они вместе работали, Александра Михайловна Варфоломеева. Они вывели какой-то новый сорт озимой пшеницы. Отец был агроном-селекционер, зоотехник. Одно время он работал главным зоотехником всей Башкирии, потом переехал в Куйбышев. Тогда были сложные проблемы с 37-м годом. Он ушел с руководящей работы, и, думаю, что это, может быть, спасло его от возможных арестов, потому что все его товарищи по Наркомзему (Народному комиссариату земледелия) Башкирии были арестованы, и практически все погибли. А мы в 36-м году — в начале 37-го года уехали из Башкирии в Самару.

Т.Б.: Вернулись туда, где дед жил, в тот сад?

Г.С.: Нет. Получили очень паршивенькую квартирку. Удивительно, мои родители до конца своей жизни жили там, с 37-го по 81-й год, когда они ушли из жизни. Они в один год ушли. Мама — в возрасте почти 90 лет, папа — в возрасте 86.

Они прожили в этой квартире, в которой не было практически никаких удобств. Полуподвальная квартира, удобства были во дворе.

Правда, после войны провели газ, хоть печка появилась, а то все топились дровами. За водой ходили на водопроводную колонку примерно метров пятьдесят. И квартира была сырая.

Я помню, как весной, я тогда еще учился в школе в последние годы войны, все начинало таять, и иногда просачивалась вода. Надо было обязательно сколоть лед и снег, чтобы не скапливалось и не таяло. Сырая такая квартира. Две комнатки там было и кухонька. Но вот прожили до 81-го года. А отец работал последние годы главным агрономом Куйбышевской психбольницы. Это довольно большая больница, около тысячи пациентов, под сотню гектаров различных хозяйств, потому что они должны были сами себя кормить, обслуживать. Под Куйбышевом было немножко, а так было еще в Водино, это примерно 25 километров, и в Красном Яру, это тоже 40 километров. Он периодически туда ездил.

Школьные годы

Т.Б.: А теперь о вашей жизни, как вы в школе учились? Что за школа была?

Г.С.: Я прошел несколько школ. В первый класс я пошел в Уфе. Мало чего я помню о первом классе в Уфе. Потом я учился два года в 64-й школе, недалеко от нашего дома, потом нас в четвертом классе почему-то перевели в соседнюю начальную школу. Наш класс почему-то не принимали, и мы все время дрались с четвертым классом этой школы. С пятого класса я пошел в 13-ю Куйбышевскую школу, это на углу улицы Венской и Чапаевской, бывшая гимназия, хорошая школа. У меня о ней [остались] самые светлые воспоминания, в том смысле, что я очень хорошо помню учителей. Замечательные были учителя.

Т.Б.: Кто вам больше всего запомнился?

Г.С.: Больше всего мне запомнилась преподавательница литературы — Зинаида Александровна Тоболова. Учащихся было мало, фактически тогда уже произошло разделение на мужские и женские [школы]. И на весь большой Фрунзенский район Куйбышева был фактически один 10-й класс мужской школы и два женских.

Т.Б.: Интересно, а почему так? Вроде Куйбышев был большим городом?

Г.С.: Да. И район Фрунзенский был довольно большой, а Куйбышев тогда увеличился, потому что туда было эвакуировано три крупнейших авиационных завода: 1-й, 18-й и 24-й. Еще можно упомянуть, что отца 1 сентября призвали в армию. Это был интересный момент, потому что, по идее, он не должен был подлежать призыву, потому что он 96-го года. Его призвали, направили в противотанковую батарею в Пугачев, но вышел приказ Сталина о том, что специалистов с высшим образованием старше 45 лет в действующую армию не направлять. И это фактически спасло ему жизнь, потому что его из этой батареи откомандировали в охрану 314-го оборонного завода, в Медногорск, а батарея была направлена под Москву в 41-м и практически вся погибла. Немецкие танки перли на Москву, чуть ли не давили эти пушки своими гусеницами. Он рассказывал, что практически все, с кем он начинал, погибли под Москвой, а он попал в охрану завода. Потом к этому заводу пришел огромный совхоз из Украины, который стал подсобным хозяйством этого 314-го завода. Завод Тульский, оборонный, крупный. Директором завода был Константин Николаевич Руднев, который потом отправлял наших космонавтов в космос и возглавлял наш Комитет по науке и технике на улице Горького. Его всегда снимали со спины, кому рапортовали: «Космонавт к полету готов». А [отца] вычислили, что он стоял в охране завода. Директор комбината выяснил, что он имеет огромный агрономический опыт, он был назначен главным агрономом всего этого подсобного хозяйства.

Т.Б.: Вот я раньше не знала, что совхозы тоже эвакуировали.

Г.С.: А как же? Они пригнали технику, скот, шли тысячу километров из Украины до Медногорска. Это под Оренбургом, еще немного подальше на Урале, где был расположен этот завод. Совхоз был прикреплен, чтобы снабжать завод продовольствием во время войны. И отец там до конца войны проработал, был потом демобилизован, получил медаль за победу в Великой Отечественной войне и вернулся в Куйбышев. Я был там, потому что меня отправили из школы после 7-го класса, потому что я попал в не очень хорошую компанию. Учительница русского языка, Зоя Васильевна Малыгина, пришла к моей матери и посоветовала: «Сделайте что-нибудь! Он способный парень, но попал в плохую компанию, и если вы его из этой компании не вырвете, то он плохо кончит!»

Т.Б.: А чем была плохая компания?

Г.С.: Воровали, дрались, диктовали какие-то условия другим, много чего было нехорошего. Тогда родители решили отправить меня к отцу в Кувандык, в совхоз. Хоть отец был и военнообязанный, но жил на территории совхоза полувольнонаемный, полувоеннообязанный. Я туда в 43-м году, когда была Курская битва, уехал после окончания 7-го класса. Кстати, тогда я уже прошел какую-то часть военной

подготовки: нас все-таки постепенно готовили. Я прошел сборы. Еще мы очень ругались, что наш военкомат выдал нам не деревянные муляжи, а настоящие винтовки с просверленными патронниками, чтобы невозможно было стрелять. Они были тяжелые и, как сейчас помню, приехали мы куда-то под Куйбышев, и вот солдат идет, а мы за ним цепочкой, и он командует: «Встать! Вперед! Ползком!» Жарища, а он себя постукивает прутиком по сапогу, а мы ползем, обливаясь потом. Но это все мелочи, конечно. Я пережил на Урале Курское сражение, но от Урала у меня остались изумительные впечатления, потому что я там ходил и на охоту и на рыбалку, замечательно мы там ловили рыбу. И там я пошел в восьмой класс.

Т.Б.: То есть вы там были около года?

Г.С.: Нет, я сейчас расскажу. Я там пошел в школу в восьмой класс, а восьмой класс был где-то в соседней школе, там был интернат, километрах в десяти от нас. И мы туда ходили либо пешком, либо совхоз давал лошадь, и нас туда, несколько человек, возили и обычно на воскресенье забирали. Но учили там слабо, потому что преподавателей было мало. Один преподаватель вел несколько предметов сразу. Всего три или четыре преподавателя, хотя в восьмом классе уже должны были быть разные предметы. И вот тогда моя мама выяснила, что все мои товарищи, которые кончали со мной седьмой класс (до седьмого класса была начальная школа, а с восьмого начиналась средняя), в восьмой класс не попали.

Т.Б.: Это из той плохой компании?

Г.С.: Да. Там людей либо пересажали, либо они ушли на работу, либо уехали. Произошли всякие события и родители решили меня вернуть, и я в конце первой четверти, где-то в ноябре вернулся и пошел в восьмой класс этой 13-й школы. Меня сразу сразило то, что я никогда не имел по математике низких оценок, а тут окончил вторую четверть с троечкой по алгебре.

Т.Б.: Это вас задело?

Г.С.: Это меня задело основательно, потому что математика у меня всегда шла прилично. Но начал работать, учиться. Учиться было сложно. 44-й год. Я помню, как чернила застывали, холодно, голодно, и в классе было холодно. И, как сейчас помню, удивительно было, где-то весной 44-го года вся школа во главе с директором пошла за Волгу. Выделили ей где-то делянку дров. Пошли с саночками, чтобы привезти для школы дрова. И, как сейчас, у меня стоит перед глазами, как учителя, старшеклассники набрали — кто на саночки, кто на себя — поленья и понесли. И настолько люди были ослаблены, что через некоторое время стали постепенно скидывать бревнышки. Нас было около 50 человек. А принесли мы в конечном итоге около кубометра дров, сколько смогли.

Дальше, весной 45-го года, уже при подготовке к призыву мне почистили носоглотку и горло по линии военкомата. Удалили аденоиды, гланды, чтобы я не простужался, но, слава богу, война закончилась.

Я окончил школу с медалью.

Т.Б.: Вы закончили школу в 45-м?

Г.С.: Нет, погодите. Я окончил школу в 46-м. В 45-м я отпраздновал победу в Куйбышеве. И, как сейчас помню, мы с мамой ходили в кино и там смотрели какую-то картину про Эдисона, и она шла непрерывно, и как только интервал, кто-то выходил и поздравлял всех с победой, с окончанием войны.

Вот я начал говорить о Зинаиде Александровне Тоболовой. Она была замечательный совершенно преподаватель. Она отобрала несколько человек, которые интересовались литературой, и приглашала к себе домой. Не было ничего в войну. Она давала нам горячий чай, горячую водичку и какой-то сухарик. Это называлось пойти к ней «на чай». И мы с ней обсуждали целый ряд тех вещей, которые не входили

в стандартную программу. Там мы познакомились с Есениным, с символистами, их тогда не изучали. А потом она придумала такую вещь: поставить с нами кусочек из Горького «На дне». Нам не хватало одной женской роли. Она договорилась с соседней школой. К нам одна девочка пришла, мы по вечерам репетировали это. Мне тогда досталась роль Клеца, я сидел и чинил ботинки на сцене. У нас бы один очень замечательный человек — Андрей Ширяев. У него были большие способности (и он потом пошел в театральное училище в Свердловске), он играл роль Сатина. И мы с этим кусочком прошли до областного смотра! Мы победили сначала в школе, потом на районном смотре, потом на городском и потом на областном. Таскали с собой реквизит и выступали, играли все это. И это все заслуги Зинаиды Александровны. Также я прекрасно помню Николая Николаевича Архангельского, который уже вернулся с фронта. У нас было два преподавателя, вернувшиеся с фронта: были ранены. Географ, который стал потом директором школы, потом директором районного отдела образования. И Николай Павлович Баскаков, преподаватель истории, замечательно нам преподавал новую историю! Никаких учебников не было, мы все записывали. Что он рассказывал, я до сих пор помню. Левин, преподаватель физики, меня привлек к работе в своем физическом кружке, я ему помогал.

Учеба на химическом факультете МГУ

Т.Б.: А чем вы там занимались?

Г.С.: Мы там чинили трансформаторы, налаживали катушку Тесла для демонстраций и опытов. А вот от химии у меня осталось не очень хорошее впечатление из школы. Мне нравились те реакции, где цвета менялись, но как-то Разумова, преподавательница химии, не очень-то смогла заинтересовать. Мы тогда все увлекались атомной энергией, вышла книга Смита «Атомная энергия для военных целей» в 46-м году. И я почему-то решил, что атомная энергия будет на химическом факультете, поэтому пошел на химфак. Мне все очень понравилось на первом курсе, но потом я стал сомневаться, а там ли атомная энергия, и собрался переходить на физический факультет. Про это я уже писал, что на физфак я не стал переходить. Я познакомился с ребятами-физиками, которые занимались атомной энергетикой. Они мне сказали: «Зачем тебе переходить? У вас там один из создателей всего этого дела работает, Николай Николаевич Семёнов».

Т.Б.: Открыли вам глаза.

Г.С.: Да, открыли мне глаза, и я понял на какую кафедру мне надо идти. И начиная с третьего курса, с 49-го года, вся моя дальнейшая судьба была связана с Николаем Николаевичем.

Т.Б.: А как вы пришли на кафедру? К кому вы обратились?

Г.С.: На кафедру меня привел Березин.

Т.Б.: Вы с ним были знакомы?

Г.С.: А как же? Большие друзья были. Илья Васильевич был на год меня старше, участвовал в войне. Сперва поступал в авиационный, потом вернулся на химфак. А мы познакомились по линии общественной работы. Мы вместе работали в комсомольском бюро. Он был секретарем, а я был заместителем секретаря по организационной работе. И он меня увлек. Он первый пришел на кафедру к Николаю Николаевичу, потом привлек туда меня. Учил меня там мазать краны. Я где-то об этом написал в своих воспоминаниях о Николае Николаевиче. И дальше все пошло независимо от меня, я бы сказал. Так что я могу об этом не рассказывать, поскольку это довольно подробно рассказано в моей книге и упомянуто в статье «Мой Семёнов», которую я тоже поместил в свою книжку. Так что дальше идет жизнь университетская.

Студенческий быт

Т.Б.: А вот из студенческой жизни, что вам больше всего запомнилось? Не из учебной, а из жизни в общежитии, жизни в Москве?

Г.С.: Не могу сказать. Я про общежитие написал в своей книге и где-то как-то писал в «Советский химик» о том, как я жил в общежитии на Стромынке. Там жизнь была сложная довольно. Я могу только повторить. Я хорошо помню 30 и 31 декабря 46-го года, когда была сильная оттепель. Мы жили на четвертом этаже. У нас протекала крыша в комнате, где нас жило десять человек. 31 декабря была моя очередь дежурить там и выносить ведра в туалет, которые накапывали в двух-трех местах, где протекала крыша. Условия были сложные. Сырость. В комнате было нежарко, ложиться приходилось в волглую, влажную постель. Газа не было, были печки. Мы на этих печках себе готовили, если было из чего, потому что была карточная система до декабря 47-го года. По-моему я это тоже в книжке описал, как приходили 15 декабря 47-го года в первый раз с кирпичиком хлеба под мышкой. С покупками уже не карточными. Это мне очень запомнилось, я тоже об этом написал, как я в сентябре купил себе талончики. Было две системы карточные. Одна была разбита на каждый день, а другая — такая, что ты сам мог регулировать, покупать и самому себе все готовить.

Я в первый раз взял себе эту систему, где нужно было самому себе готовить. Проел все до 25 сентября и дальше остался вообще без еды. И тогда моя тетя выручила, не дала совсем отоццать. А потом перешел на другую систему.

Т.Б.: А вот, смотрите, карточки отменили, можно было покупать продукты. Хватало ли денег, какая стипендия была?

Г.С.: Стипендия была 20 или 30 рублей, 30 по-моему.

Т.Б.: На нее можно было продержаться?

Г.С.: Вполне нормально! Мы еще все на займы подписывались тогда, на восстановление народного хозяйства послевоенное. Я прошел фактически все ступеньки: студент, аспирант, младший научный, кандидат наук, старший научный, доцент и, в конце концов, профессор. Везде зарплата была установленная, у младшего научного сотрудника — 105 рублей, у кандидата — 170. И всегда и хватало, и не хватало. На стипендию можно было жить и даже позднее. Потому что обед в профессорской столовой стоил меньше рубля, приличный обед из четырех блюд, а в студенческой — еще дешевле. А потом подрабатывали различными путями. Я, например, несколько раз снимался в «Сказании о земле Сибирской», в кино. Я ростом в казаки не вышел, но в татарах, в массовке под Звенигородом мы валились на казаков, а они нас лупили, как сидоровых коз. Но 10 рублей зарабатывали за день. Третью стипендии. Два дня поработал — 20 рублей. Родители немножко помогали, я помню, 20 рублей мне пытались посылать каждый месяц. И это конечно сильно поддерживало.

Т.Б.: Можно было уже и без подработки учиться.

Г.С.: В аспирантуре уже полегче стало, там под 70 рублей стала стипендия, потом один год я получал Сталинскую стипендию, она тоже была 70 рублей.

Т.Б.: Это уже на четвертом курсе?

Г.С.: Нет, на третьем. Я окончил первый курс. Завалил экзамен: сдал на пятерку химию, а на математике получил двойку.

Т.Б.: Вот у меня была точно такая же история на первом курсе, на первой сессии с математикой.

Спортивная жизнь на химфаке

Г.С.: Да, я потом пересдал на четыре. Меня Николай Петрович Тарасов принимал, совершенно спокойно. Он не стал меня спрашивать по билету, а дал мне одну сложную производную взять, я ее взять не сумел. Дал еще одну, сказал: «Не готов! Двойка! Иди, готовься». Это тоже был шок такой небольшой. А еще что я могу из студенческой жизни рассказать? Я довольно активно занимался спортом, был одним из первых на факультете значкистов ГТО второй ступени.

Т.Б.: А что это означало — вторая ступень?

Г.С.: Более высокие требования.

” Было ГТО первой ступени и второй ступени. Они были разные по уровню. ГТО первой ступени полагалось иметь практически всем, а ГТО второй ступени требовало более серьезных результатов, усилий.

И я очень многими видами спорта занимался, по многим из них у меня был третий разряд. И тогда, уже под конец, будучи в аспирантуре, или даже после аспирантуры увлекся очень сильно парусным спортом и там дошел до первого разряда. А так — гимнастика, еще что-то. Мы с будущим академиком Владиславом Владиславовичем Воеводским вместе защищали честь факультета в баскетбол.

Т.Б.: Интересно! Действительно настолько разные виды спорта.

Г.С.: С членкором Несмеяновым я вместе защищал честь факультета на лыжне. Они были в то время доцентами, они старше меня. Воеводский с 17-го года, на десять лет старше, но мы вместе с ним гоняли в баскетбол, защищая честь факультета.

Т.Б.: Общество «Буревестник», наверное?

Г.С.: Нет. В старом здании на Моховой. Стрелял я неплохо, гимнастикой занимался, у меня был третий разряд по гимнастике. На факультете висели фотографии, восемь человек, получившие значки ГТО второй ступени, около одиннадцатой аудитории на Моховой. И запомнился очень поход на Кавказ после третьего курса, причем он запомнился тем, что мы прошли первой группой после войны по этому маршруту. И были большие проблемы: нас не хотели пускать, там еще не до конца все было разминировано, опасались, что если мы свернем в сторону, то может что-то случиться. Руководителем группы у нас была Сергей Дмитриевич Моисеев. Он участник войны, и было еще два участника войны в этой группе. Он взял на себя ответственность, сказал: «Я за все отвечаю, вот я расписываюсь тут, чтоб вы не беспокоились». Когда мы шли, то он шел всегда первый, а я шел последний, замыкающий, и он говорил: «Никуда с тропы не сходить». Пока не прошли от Гузерипля где-то к Красной Поляне, через Кавказский хребет, через перевал. Там немцев не пустили через перевал, но бои шли очень сильные. Нам по пути попадалось оружие, кости погибших — последствия боев. Но природа колоссальная. Я до сих пор не могу для себя решить, что красивее: горы или море. Я тогда впервые был и в горах и на море. Мы начали из Сочи с мыса Дагомыс и закончили через озеро Рица, опять вернулись в Сочи. День или два жили на море. Я вспоминаю, после пятого курса мы ходили в поход уже по Валдаю. И мы где-то шли в верховьях Волги. Вдруг у меня четкое ощущение, что где-то море. Вот слышен такой шум, который бывает на море. Вот до сих пор, много лет прошло. А это, оказалось, мы подошли к огромному сосновому бору на Валдае. И сосновый бор, когда есть небольшой ветер, шумит, и его звук в точности напоминает звук моря.

Т.Б.: Это должен быть, наверное, чисто сосновый бор?

Г.С.: Да, большой-большой сосновый бор на Валдае, и только когда мы ближе подошли, и этот шум изменился немножко, вот я тогда только понял. А в начале я даже спрашивал: «Ребята, нет ли тут моря?» Но звук совершенно точный, как у моря, когда море так тихонько шумит. Это было после пятого курса, после окончания университета. Ходили небольшой группой. Саша Розовский, Лева Некрасов были в этой группе. Эти воспоминания, наверное, наиболее сильные, не связанные с учебными делами

и с общественной работой. Это спорт, конечно. Понимаете, спорт тогда на химфаке стоял очень высоко. Все время боролись физфак или химфак.

Т.Б.: А почему, как вы думаете, так было? Это как-то культивировалось или снизу как-то шло от ребят?

Г.С.: Во-первых, вы видите, все преподаватели принимают активное участие в спортивных соревнованиях. Вы их видите, людей, которые читают вам сложнейшие вещи на кафедре, а потом вы с ними идете играть в баскетбол. Или где-то я сталкиваюсь с Несмеяновым на лыжне, и он мне объясняет, как смазывать лыжи.

Т.Б.: То есть это было привлекательно для студентов именно из-за того, что участвуют преподаватели?

Г.С.: Они говорили, что иначе на химфаке нельзя, что химия — наука вредная, опасная для здоровья, а спорт укрепляет здоровье.

Т.Б.: Это был сильный мотивирующий фактор.

Г.С.: И их было много, я нескольких человек знаю таких. Тот же Саша Мальцев и еще целый ряд людей, и Володя Шевельков, Игорь Грандберг и Володя Зломанов. Все сохранили с того времени эти традиции и понимание. А почему все это упало, это не очень мне понятно. Активно работал Володя Горшко — и шахматы и лыжи. Да и много людей было таких сильных и с нашего курса. И Белоцерковский Вадим, сын нашего знаменитого писателя, тоже был прекрасный лыжник, тоже в этой команде был. Я там был не самый лучший, но, наверное, и не худший. До второго разряда отдельные победы были у меня. Спортсовет работал хорошо. И что еще совершенно удивительно, у нас была нагрузка: у ребят 50 часов в неделю. При этом оставалось время и на общественную работу, на спорт и на то, чтобы сходить в Большой театр. Мы все тогда были увлечены Большим театром. Ходили туда с ночи занимать очереди, устраивали там небольшие давочки, чтобы отдалить часть людей от очереди, чтоб студенты получили билеты. И на все хватало времени, и никто не пищал, что он перегружен или еще чего-то. У нас было военное дело, достаточно много часов, занимало целый день, и дальше была нагрузка достаточно большая. Не знаю.

 Я думаю, что в какой-то степени все-таки ухудшилась в целом экология, окружающая обстановка, люди стали более дохлые. Я даже сравниваю в своей семье. Я считаю, что я слабее своего отца. Я считаю, что мой сын слабее меня.

Даже если я возьму, скажем, в 40 лет, я хорошо помню своего отца в 40 лет и себя тогда мальчишкой. И себя помню в 40 лет, и своего сына сравниваю в 40 лет. Как-то физически были здоровее. Моя тетя говорила: «Это потому что их мама в детстве кормила молоком!»

Т.Б.: Ну и вообще, жизнь была труднее и она больше закаляла физически.

Г.С.: Это-то точно совершенно! Я помню, делал диплом. У меня с дипломом было много неудач. Я несколько раз взрывался. Мне фактически окончательную тему дали чуть ли не в марте месяце. Я делал диплом за март, апрель и полмая, которые оставались. Я сидел по ночам. Тогда хроматографии не было. У меня был анализ. Надо было проводить анализ газов, довольно большое количество. Был такой приборчик «Орса», где надо было грушей с ртутью качать этот газ, его через разные поглотители прокачивать и измерять его количество. Очень трудоемкий процесс. Я иногда до часу, до двух ночи сидел в лаборатории, а потом лупил в общежитие пешком через всю Москву. Замечательные воспоминания о весенних рассветах в Москве, потому что я шел, когда уже светать начинало. От Моховой до Сокольников это километров шесть-семь, через Комсомольскую, Кировскую, Комсомольскую площадь и туда, на Стромынку. А потом, когда уже в аспирантуре работал, тоже были длительные опыты, и я мог спокойно проработать ночь и потом не уходить, а проработать день, ночь и еще один день. А сейчас я смотрю: все сдыхают. Если они проработали ночь, то они должны уйти. Они не могут после бессонной ночи проработать еще день.

Т.Б.: Да, чаще всего так. Трудно это.

Г.С.: Возможно, это индивидуальные мои особенности. Я когда-то в детстве в лаптях ходил. Бабушка заказала мне лапти, поскольку с обувью было сложно. И я помню, в 30-х года там спокойно ходил в лаптях и мог босыми ногами бегать по жнивью, по свежескошенному.

Т.Б.: Оно же колется!

Г.С.: Колется. А мы вот любили это.

Т.Б.: Да уж действительно, это значит устойчивость высокая.

О религиозности и уверенности в будущем

Т.Б.: Глеб Борисович, в студенческие годы среди студентов были ли люди религиозные?

Г.С.: Религиозные? Не знаю, нет, по-моему. Как-то это не возникало вообще. Вот я знаю, что во время войны интерес к религии возрос. Это я по своей маме знаю. Они у меня в силу своего образования были атеистами, но мама во время войны ходила в церковь несколько раз, и видимо это не только у нее. А у поколения, которое пришло, ничего этого не было, и непонятно зачем вообще? Вы понимаете, что тогда было характерно, вот все-таки мы победили в войне, и это находило огромное отражение везде и всюду. В короткое время огромная часть страны была разрушена, на ней проходили боевые действия, европейская часть сильно пострадала, но посмотрите: в короткие сроки сумели восстановить практически все. Я вспоминаю по Куйбышеву, по 1-му авиационному заводу. Он выпускал великолепные истребители, а через 4–5 лет стал выпускать байдарки, раскладушки, холодильники и еще что-то. И быстро довольно перестроились, и это очень вдохновляло.

Т.Б.: И больше ориентировало на веру в человека.

Г.С.: В том-то и дело, а потом была еще какая-то уверенность в будущем.

Т.Б.: Не было необходимости обращаться к религии.

Г.С.: Конечно! Что вот сейчас произошло?

 Я вот где-то читал, что перестройка избавила нас от такой халявы, как уверенность в будущем.

Т.Б.: Интересное высказывание!

Г.С.: Да. А сейчас какая-то неуверенность, неустойчивость, вообще непонятно. Я писал об этом. Та же трансформация, которая произошла и в партийной и комсомольской организации, наверное, очень сильно повлияла на последующее развитие событий. Жирком что ли стали обрастать.

Т.Б.: Это на исходе советской власти?

Г.С.: Да. На протяжении последнего периода. У меня в книжке написано, как демократично выбирали в партийные организации, в комсомольской организации. А потом постепенно...

Т.Б.: Это вы 50–60-е имеете в виду?

Г.С.: В конце 40-х — 50-х годах. Собрания начинались в семь вечера, никто ничего не делал в рабочее время. А потом все куда-то сползло, начали собираться в четыре часа или в пять часов проводить партийные собрания. Потом вся эта демократия исчезла. А там было все совершенно спокойно: выдвигают кандидатов, их обсуждают, выигрывают те, кто набрал большинство.

Т.Б.: То есть более честная борьба, конкуренция?

Г.С.: Да, честная конкуренция. Иногда не проходили первые лица, не набирали нужные голоса. Стали ограничивать: «Как же так? Вот у него есть опыт...» Развели философию, на словах ведь всегда можно все объяснить, оправдать и найти доводы, а жизнь оказывается гораздо сложнее и многограннее, и ее очень трудно загонять в какие-то рамки, какие-то шаблоны. Это, конечно, немного огорчает.

Общественная работа

Т.Б.: Глеб Борисович, раз вы коснулись общественной жизни, то, может быть, опишете свой путь в общественной работе?

Г.С.: Он был не то чтобы достаточно сложный, нормальный вообще.

Т.Б.: Но у вас он был довольно основательный, параллельно с научной деятельностью. Опишите как-то его.

Г.С.: На первом курсе я достаточно тихий, скромный. Почему-то меня выбирают во втором семестре комсоргом группы.

Т.Б.: А почему?

Г.С.: Не знаю. Понятия не имею.

Т.Б.: Даже до сих пор версия не возникла?

Г.С.: Я как-то не анализировал это. Не помню даже, были ли другие кандидатуры. Видимо, я так хорошо себя в общезнании зарекомендовал. У меня всегда было доброжелательное отношение к людям. Если где-то чем-то мог помочь, я всегда старался помочь. С другой стороны, всегда сам обращался за помощью.

Т.Б.: То есть вы были общительным человеком?

Г.С.: В этом смысле да. Вот, выбирают комсоргом. Чего-то я поделал. На втором курсе сразу выбирают в комсомольское бюро курса и делают его секретарем. Я хорошо знал курс, и работа не мешала мне учиться. Я уже второй семестр первого курса окончил на одни пятерки. Вот первая сессия — одна пятерка и две четверки, а дальше пошли пятерки. На втором курсе одни пятерки. После второго курса меня выбирают в факультетское бюро и делают заместителем секретаря по организационной работе.

Т.Б.: По комсомолу?

Г.С.: По комсомолу. На четвертом курсе я активно занимаюсь «Нашими буднями», это моя любимая газета, я много сил в нее вложил в свое время. Все время хотелось сделать на факультете ежедневную газету.

Т.Б.: А как это выглядело? В виде стенгазеты?

Г.С.: «Наши будни» это была наша газета, которая выходила в формате ватмана три раза в неделю.

Т.Б.: То есть «Советского химика» еще не было.

Г.С.: «Советский химик» был, мы с ним конкурировали. Мы его не любили, потому что он был такой парадный. Он выходил два раза в месяц. А эта газета, которую ждали преподаватели, выходила в одиннадцать часов в понедельник, среду и в пятницу.

Т.Б.: Какой большой объем работы!

Г.С.: Да, большой был объем. Было три редакции. Они готовили раз в неделю этот выпуск и в одиннадцать часов обязательно должны были повесить. И все в перерыв после первой лекции, даже преподаватели, приходили почитать «Наши будни». И я до сих пор помню карикатуру (это у меня описано в книжке,

как мы работали в совхозе, колхозе, как работали на строительстве университета, это можно не вспоминать, наверное), не буду называть фамилии, это очень известные сейчас люди. Оба профессора, доктора наук. Одна из них не поехала на сельхозработы, в качестве причины сослалась на то, что не на кого было оставить кошку дома.

Т.Б.: Тогда это не считалось причиной, конечно.

Г.С.: Вот, и, по-моему, Вадим Белоцерковский нарисовал на нее карикатуру: сидит на стуле фигура, пьет молоко, и кошка из блюдечка пьет молоко. А подпись я до сих пор помню: «Сидит ленивая скотина, пьет молоко, а рядом с ней — ее подруга летних дней». До сих пор в памяти остались, а это ведь 49-й год был.